

В. Г. Рыженко

РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ В СКЛАДЫВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

*К 10-летию Центра «XX век в судьбах
интеллигенции России»*

Одной из примечательных черт современной историографической ситуации является укрепление тенденции к междисциплинарному изучению сложных объектов и одновременное стремление к обособлению бывших направлений проблемной историографии в качестве самостоятельных областей научного знания в блоке отечественных гуманитарных исследований. Такой путь проделала за 1990-е годы история изучения российской интеллигенции, заявив о себе как об «интеллигентоведении». Заметим, что поворот к междисциплинарному варианту осмысления истории российской интеллигенции и ее региональных отрядов не только возможен, но и необходим как реализация естественной потребности науки в постоянном поиске. Однако он далеко не прост и не прямолинеен. Его воплощение подвержено действиям внутренних закономерностей развития научного знания и влиянию внешних факторов. Новое направление (новая дисциплина), вызревающее внутри традиционной историографии, действующей по сложившимся в научном сообществе правилам, должно набрать определенную критическую массу, чтобы преодолеть силу инерции прежних профессиональных стереотипов.

Оценку состояния исторической науки в России в конце 1990-х годов представил А. П. Логунов в статье, открывающей рубажный сборник «Образы историографии»¹. Он констатировал важную перемену ведущего вектора движения мысли современных российских историков от прежнего социального типа историографического проекта в направлении к новому типу – информационно-культурному, что совпадает с современными тенденциями в зарубежной историографии². Ученый сделал вывод, что историческая наука, выйдя из жестких рамок социального проекта, оказалась в ситуации открытого диалога с иной историографической культурой и вырабатывает способы и приемы гуманитаризации исторического знания³.

Отмеченные А. П. Логуновым признаки проявились в деятельности специальных исследовательских подразделений, возникших в начале 1990-х годов по инициативе отдельных ученых. Назовем в первую очередь инициативу профессора Ивановского государственного университета В. С. Меметова по проведению ежегодных международных конференций по разным аспектам теории и истории интеллигенции, завершившуюся недавно созданием при ИВГУ научно-исследовательского института интеллигентоведения. Среди научно-теоретических конференций рубежа XX–XXI веков, проведенных ивановскими учеными, выделим особо встречу, на которой обсуждались проблемы нравственных идеалов интеллигенции⁴.

Другая инициатива принадлежит екатеринбургским исследователям (М. Е. Главацкому и М. И. Кондрашевой) и воплощена в виде Центра «XX век в судьбах интеллигенции России», действующего с 1994 года. Главным в его работе стало изучение комплекса проблем, связанных с ролью интеллигенции в формировании гражданского общества в России⁵. Варианты междисциплинарного изучения интеллигенции в широком социокультурном контексте предлагаются в инициативных проектах омских историков, занимающихся исследованием мира научных и социокультурных сообществ, их роли в конструировании общероссийского и локального интеллектуального пространства, в укреплении их взаимосвязей⁶.

Особое место в современной историографии занимает Центр интеллектуальной истории при Институте всеобщей истории РАН, руководимый Л. Р. Репиной. Для понимания особенностей процесса становления интеллигентоведения полезно прислушаться к ее мнению, что каждая из новых дисциплин проходит в своем становлении три этапа: «первоначальную специализацию в форме новой предметной ориентации отдельных исследователей, институционализацию выделившихся областей через создание ассоциаций ученых и последующий этап ее закрепления на более прочной основе, в формальных университетских структурах»⁷.

Очевидно, что деятельность возникших в начале 1990-х гг. указанных исследовательских центров имеет непосредственное отношение к двум последним этапам. Однако если относительно институционализации теории и истории интеллигенции в качестве обособившейся предметной области можно говорить вполне определенно, поскольку созданные центры являются своеобразными ассоциациями исследователей интеллигенции, то вопрос о завершенности последнего этапа еще предстоит выяснить. При этом возникает необходимость уточнения критериев: что следует считать признаком закрепления новой самостоятельной области в университетских структурах? Можно ли считать таковым возникновение и существование подобных центров именно при классических университетах?

Отсюда определим задачу предлагаемой статьи как поиск варианта ответов на поставленные вопросы. При этом центральной становится проблема роли исследовательских центров 1990-х годов в процессе становления современного интеллигентоведения. Предлагается рассматривать ее, используя пример Центра «XX век в судьбах интеллигенции России» при Уральском университете.

Предварительно укажем, что практически завершившиеся два этапа становления интеллигентоведения (специализация и институционализация) закрепили междисциплинарный характер новой области научного знания как отличительную черту ее формирующегося образа. Другая составляющая длящейся рубежной полосы повышенного внимания исследователей интеллигенции к представлению об образе «своей территории» – это продолжающиеся дискуссии о качестве исследовательского инструментария (в первую очередь, о содержании ключевой дефиниции) и его соответствии потребностям изменившейся исследовательской практики. Реконструкция поведения историка в познавательной ситуации предыдущего рубежа (XIX–XX века) и в контексте национальной культурной традиции, предложенная В. П. Корзун⁸, делает возможным сопоставительные рассуждения о специфике происходящих современных трансформаций внутри профессиональной историографии и ее обособляющихся проблемных сегментов.

На это настраивают выводы исследовательницы, во-первых, относительно длительности (на протяжении почти двух десятилетий) складывания более сложного образа науки, его укоренения в культуре и приобретения ярко и своеобразно выраженной антропологичности, и, во-вторых, «смена прежней методологической парадигмы не означает автоматической замены прежнего образа науки»⁹.

Споры о дефиниции, возобновившиеся с конца 1980-х годов, не прекращаются до сих пор. Исследователи пытались понять, почему так происходит, где источник очередной дискуссионной волны. Назывались самые разные причины: от желания установить окончательную «истину» – единственную и бесспорную формулировку понятия «интеллигенция», до необходимости выбора наиболее подходящей для исследовательской практики конкретно-исторической трактовки его содержания. Одновременно ученые – В. Р. Веселов, В. С. Волков, М. Е. Главацкий, В. Т. Ермаков, А. В. Квакин, В. С. Меметов, В. Л. Соскин высказывали свои оценки происходивших дискуссий вокруг ключевой дефиниции и предлагавшихся ее определений.

Обращение к анализу материалов дискуссий известных историографов и организаторов изучения теории и истории российской интеллигенции и стремление молодых исследователей включиться в дискуссию с предложением своего определения (или подходов к толкованию его содержания) нельзя воспринимать в отрыве от глубинных процессов, происходящих в современном интеллектуальном пространстве. Не случайно в 2001 году была опубликована книга А. И. Арнольдова¹⁰, в которой специальный раздел был посвящен разъяснению смысла того, что вкладывается в понятие «интеллигенция». Помимо той его части, характеризующей интеллигенцию как крупную социально-культурную общность, социальную группу людей, профессионально занимающихся творческим умственным трудом (такую позицию поддерживает основная часть современных интеллигентов), здесь имеется еще один примечательный фрагмент. Автор, связывая социокультурную роль интеллигенции с функционально-творческим назначением, подчеркивает, что у интеллигента есть «особая сфера жизнедеятельности, эпицентр его бытия, его силовое поле и сфера духовного общения с людьми» – «всеобщий социум культуры».

В 2001 году появляется монография В. Р. Веселова. В ней он указывает на сложность, а «может быть, и невозможность единого, универсального определения рассматриваемого понятия» и объясняет такое положение историческими изменениями самой интеллигенции как социокультурного феномена. Одновременно он подчеркивает, что «эти и другие аспекты понятийного характера, вероятно, еще не один год будут предметом дискуссий, отражая общественно-политическую, интеллектуальную специфику своего времени»¹¹. Подробно останавливаясь на различных подходах предшественников и их истоках, Веселов скептически оценивает междисциплинарный, интегрированный характер новейших исследований природы интеллигенции. К его негативным аспектам он относит расплывчатость самого объекта исследования, неопределенность исследовательских рамок, игнорирование специфики конкретной научной специальности. При этом относительно культурологического подхода ученый высказывается достаточно резко: «культурологический подход в современной интеллигентоведческой литературе все более смещается в сторону упрощенно оценоч-

ных, как правило положительных, характеристик интеллигенции»¹². Следом за этой критической оценкой В. Р. Веселов высказывает опасения, что использование культурологического подхода, принципиально отличающегося от социально-профессионального вектора изучения истории интеллигенции, приводит к углублению разрыва преемственных связей разных периодов отечественной историографии, поскольку и объект исследования утрачивает свои реальные очертания.

По мнению Веселова, подобный подход к понятию и к истории интеллигенции является продуктом философско-этического моделирования социокультурных явлений, умозрительной идеальной конструкцией, а не пониманием интеллигенции как конкретно-исторического феномена. Возникает впечатление, что, относя проблему подходов и содержания дефиниции к «сфере научных технологий», историк в то же время отказывает другим исследователям в их праве на теоретическое моделирование, которое, несомненно, также принадлежит к «технологическим» приемам научного поиска.

Что же касается собственной позиции В. Р. Веселова, то она проистекает из предлагаемого им перехода от парадигмы «Интеллигенция – народ (духовные пастыри и масса)» к исследовательской модели «Народ и интеллигенция (мастер и подмастерье)»¹³. Не предлагая очередной версии ключевой дефиниции, он призывает к конкретно-историческому анализу обозначенной им проблемы, переводя ее еще и в более широкие рамки – «Интеллигенция и провинция», в которых можно изучать по-новому («не эгоцентрически») социокультурную роль интеллигенции. Эта роль, по мнению Веселова, заключается в способности интеллигенции быть выразителем, интеллектуальным аккумулятором нравственного здоровья и социального творчества народа. Несомненно, сама проблема относится к числу актуальных для отечественной историографии. Однако не лишается ли таким образом интеллигенция – один из важных субъектов историко-культурного/культурно-исторического процесса – своей активной творческой субъектности, поскольку в паре «мастер и подмастерье» ей отводится пассивная роль транслятора чужих творений? Кроме того, расширяя проблемное поле традиционной историографии интеллигенции, изменяя соотношение приоритетов, расставляя новые акценты, исследователь остается в границах сохраняющегося мононаучного знания. В то же время неоднократные напоминания В. Р. Веселова о, «может быть, невозможности единого, универсального определения», о противоречивости самой интеллигенции как социокультурного феномена, «трудно доступного для любого одномерного изучения», подтверждают, на наш взгляд, начавшуюся трансформацию мононаучной парадигмы прежней проблемной историографии интеллигенции.

Совсем недавно появились историографические этюды М. Е. Главацко-го¹⁴, первый из которых назван «Что же такое, наконец, интеллигенция?» и содержит анализ всплесков интеллектуальных споров вокруг центрального понятия почти за сто лет истории отечественной научной и общественной мысли. Весьма показательно, что для глубоких раздумий ученого над доминирующими в последние годы подходами характерно убеждение в том, что хотя еще будет сказано много нового, это не означает получения в итоге «одного на всех» определения интеллигенции, поскольку «подлинное творчество это исключает». (А это уже признак необратимости происходящей трансформации отмеченной выше парадигмы и поворот к окончательному отказу от монодефиниции!)

Считая приведенное суждение М. Е. Главацкого безусловно справедливым и научно обоснованным, заметим, что причины повторяющегося внимания к рабочей дефиниции, на наш взгляд, далеко выходят за рамки дебатов внутри профессионального сообщества историографов и историков интеллигенции. На наш взгляд, они связаны не только с общенаучной логикой (на что уже обращают внимание современные интеллигентоведы), но и с действием стереотипов мышления исследователей, и с особенностями сложившегося в предшествующий период корпоративного научного знания закрытого типа. Убеждение в *единственно возможной* трактовке понятия «интеллигенция» было главным показателем принадлежности к корпорации советских историков интеллигенции. Оно же представляется нам важным свидетельством закрытости воспроизводимых в советской историографии теорий формирования интеллигенции от влияния новых методологических подходов, в том числе рождающихся в «чужих» секторах исторической науки, не говоря уже о происходящем в других науках.

И то, и другое сохраняется в современной отечественной историографии. Несмотря на присутствие в ней тезисов о методологическом плюрализме и междисциплинарности как основе для выхода на новое видение теории и истории интеллигенции, происходит постоянная подпитка прежней идеи, но уже в виде стремления к отказу от целесообразности самих попыток иных трактовок ключевой дефиниции.

Несомненно, в таком положении проявляется логика саморазвития научного знания, вызревания и обособления его отдельных направлений. Для самостоятельного статуса любого из них поиски содержания основного набора понятий являются обязательной процедурой. Применительно к интеллигентоведению это усложняется в связи со своеобразием и эволюцией той части социума, чьи признаки и историю это научное направление пытается определить. Отсюда возникают парадоксальные ситуации, подмеченные некоторыми исследователями. Одно из таких наблюдений сделал недавно И. В. Сибиряков, указав на то, что количество работ, посвященных истории российской интеллигенции, растет, а количество новых, продуктивных идей катастрофически падает, при этом «исследователи не просто работают в жестких рамках традиционных методологических схем, но фактически игнорируют существование новых подходов»¹⁵.

В рассуждениях И. В. Сибирякова о сути неизбежного, по его мнению, кризиса в современном интеллигентоведении просматривается близость к науковедческому анализу. Это, во-первых, констатация определенной и закономерной цикличности в действиях разных поколений ученых, обращающихся к одному и тому же объекту и заново решающих концептуальные вопросы. Во-вторых, попытка объяснить специфику всплесков мнимых дискуссий, в которых отсутствует открытая полемика, тем, что «проблемы истории российской интеллигенции имеют самопроизводный характер». Его ссылка на необходимость для преодоления кризиса обратиться к достижениям теоретиков фундаментальных негуманитарных наук и, в частности, руководствоваться знаменитым принципом дополнительности Н. Бора весьма показательна. Она настраивает на переход в трактовках понятия «интеллигенция» к широкому общенаучному контексту и к сопоставлению разных способов расшифровки дефиниции, не взирая на их происхождение в «чужом» научном сообществе.

Подтверждение нормальности подобной логики действий интеллигентоведов находим в трудах известного современного историка и теоретика

О. М. Медушевской. Так, она указывает на существование *размытой терминологии как на характерную черту для эпох крупных культурных сдвигов, а попытки ее уточнения определяет как индикатор состояния культурного пространства*, в котором происходит восприятие новой реальности и *формируется новое знание о логике исследовательского процесса*¹⁶. Используя такой ракурс, мы переводим проблему поиска содержания ключевой дефиниции из области дискуссий внутри проблемной историографии интеллигенции в сферу методологии современного научного познания. Тем самым вопрос о термине «интеллигенция» становится значимым не только для интеллигентоведения, а встраивается в общий процесс «познавательных» поворотов, начавшихся в 1990-е гг. и пока еще не получивших завершения.

Обозначенная проблема становится принципиальной для саморефлексии современных исследователей, ищущих «свою территорию». Одновременно она характеризует степень напряженности интеллектуального пространства и изменения качества коммуникационных связей между сообществами интеллигентоведов и внутри каждого из сообществ (от взаимопонимания и диалога до неприятия).

Признаком новизны, рожденным изменениями именно последнего десятилетия развития исторического познания и гуманитарных наук в целом следует считать то, что в 1990-е годы усилилось внимание к рассмотрению понятия «интеллигенция» и к ее истории в контексте внутреннего мира культуры. Это свидетельствовало о наметившемся синтезе конкретно-исторического и культурологического способов познания объекта. Одним из промежуточных результатов этого можно считать складывание исследовательских программ, опирающихся на локальный метод, системный подход и забытое наследие отечественной историографии и гуманитарной мысли. Это означает преломление свойств общенаучного процесса: забытое знание отзывается в исследовательских попытках приходящих на смену поколений, чтобы утвердить нас в мысли о непрерывном логическом ходе науки¹⁷. Вторая половина 1990-х годов – время, которое сами исследователи пытаются определять в качестве завершающей фазы становления интеллигентоведения как самостоятельной исследовательской области научного знания. Поэтому новый виток интереса к определению главной дефиниции закономерен с точки зрения общенаучной логики, как, впрочем, и стремление внедрить и закрепить в профессиональной лексике современного научного сообщества термин «интеллигентоведение». В этом случае выбор объекта, стремление к строгому описанию его признаков входят в состав важнейших теоретических проблем новой области. Дополнительные сложности в идущий процесс вносит нарастание потребности в междисциплинарном видении объекта, что заставляет вновь возвращаться к содержанию дефиниций.

Какова же роль в описанных выше процессах университетских исследовательских центров? Она оказалась наиболее значимой для консолидации российского интеллектуального пространства 1990-х годов и для восстановления разрушенных информационных связей. В обоих случаях наблюдаем превращение практически каждого из упоминавшихся центров в своеобразное ядро формирующейся междисциплинарной «территории интеллигентоведения», притягивающее к себе единомышленников из академической и вузовской науки. Специфика деятельности уральского цент-

ра была заложена в виде изначального ограничения хронологических рамок исследовательских поисков XX веком и направленностью дискуссий на сопоставление интеллектуальных и нравственных исканий разных поколений российской интеллигенции, а также двух наиболее напряженных полос этих исканий в первые и последние десятилетия XX века. Кроме того, для этого центра характерна мощная историографическая линия, что в значительной степени объясняется особым вниманием его основателя – М. Е. Главацкого к вопросам историографии интеллигенции. Эти признаки прослеживаются уже в содержании сборника материалов состоявшейся в 1994 году конференции в Екатеринбурге «Российская интеллигенция: XX век»¹⁸.

Фактически тогда же обозначились проблемно-тематические блоки всех последующих конференций. Это проблема «Интеллигенция и власть», ставшая не только предметом специального обсуждения в 1996 году, но и в дальнейшем присутствовавшая в качестве одной из сквозных на последующих встречах интеллигентоведов в Екатеринбурге. Остроту звучанию этой проблемы придавал один из выводов доклада В. Л. Соскина в 1994 году. Он касался оценки всей политики советской власти по отношению к интеллигенции как носившей дискриминационный характер с момента установления советского строя¹⁹. На очередной конференции в 2003 году было предложено осмыслить опыт изучения этой проблемы в современной отечественной историографии на примере темы «Власть и художественная интеллигенция»²⁰. Другим традиционным проблемным блоком в деятельности уральского центра по организации научных конференций стало освоение научного и идейного наследия российской интеллигенции и размышление над ним в контексте современных процессов. Естественно, что приоритеты оказались отданными сборникам «Вехи», «Из глубины», «Смена вех». На конференции 1994 года их обозначили в своих выступлениях Б. В. Емельянов, М. А. Ахлюстина, Г. А. Матвеев, О. Ф. Русакова²¹. В дальнейшем обсуждению каждой из указанных публикаций посвящалась специальная конференция. Таким образом, смыкались временно разъединенные пласты отечественной истории культуры и историографии интеллигенции. Заслуга центра в этом важном и с точки образовательных практик деле несомненна.

Отметим еще один принципиальный момент, позволяющий оценить роль деятельности Центра «XX век в судьбах интеллигенции России» в качестве индикатора намечавшихся перемен в историографической ситуации 1990-х годов. Речь идет о постановке на первый план уже в 1994 году не только дискуссионных вопросов о содержании дефиниции (В. Р. Веселов, Т. Б. Котлова), но и поворот к личностям интеллигентов, которые можно назвать «знаковыми» в интеллектуальном пространстве России XX века. Для самих инициаторов создания центра такой фигурой явился В. Е. Грум-Гржимайло, о чем они заявили еще в 2000 году²². Внимание к «штучным» интеллигентам и уважение к историографической традиции, включая советскую школу социальных историков интеллигенции, – еще одна заслуга уральского центра. Тем самым возрастает его роль в обеспечении базовых историографических ценностей современного интеллигентоведения как самостоятельной области научного познания.

¹ См.: *Логунов А. П.* Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // *Образы историографии*: Сб. ст. / Под ред. А. П. Логунова. М., 2000.

²Одним из примеров подобного сближения является включение в альманах «Одиссей» статьи немецкого исследователя (см.: *Дингес М.* Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2000.

³См.: *Логунов А. П.* Отечественная историографическая культура. С. 37, 52–53.

⁴Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. междунар. науч.-теор. конф., Иваново, 23–25 сент. 1998 г. Иваново, 1998; *Интеллигенция и мир: Рос. науч. журн.* (Иваново). 2001. № 2–3. С. 95–156.

⁵См.: *Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тез. докл. Всерос. конф.*, 14–15 апр. 2000 г. Екатеринбург, 2000; *Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всерос. конф. с междунар. участием, посв. 80-летию сб. «Смена веков».* Екатеринбург, 1–2 июня 2001 г. Екатеринбург, 2001.

⁶См.: *Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): Материалы 3-й Всерос. науч. конф. Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России; Т. 2. Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд.* Омск, 1998; *Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство: Провинция и Центр. XX век: Материалы 4-й Всерос. науч. конф.*, 27–28 сент. 2000 г. Т. 1. Исследования интеллектуального пространства в XX веке: теория и практика; Т. 2. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. Омск, 2000; *Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в. – начало XXI в.): Материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием.* Омск, 29 сент. – 3 окт. 2003 г. Омск, 2003.

⁷*Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 28.

⁸См.: *Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000.

⁹Там же. С. 217–218.

¹⁰См.: *Арнольдов А. И.* Миссия интеллигенции: драма и надежды. М., 2001.

¹¹*Веселов В. Р.* Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. Кострома, 2001. С. 8–9.

¹²Там же. С. 12.

¹³Там же. С. 15.

¹⁴См.: *Главацкий М. Е.* История интеллигенции России как исследовательская проблема: Историогр. этюды. Екатеринбург, 2003.

¹⁵*Сибиряков И. В.* Интеллигентоведение на рубеже XXI в.: неизбежный кризис и пути его преодоления // *Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: Тез. докл. X междунар. науч.-теор. конф.* Иваново, 1999. С. 112–113.

¹⁶См.: *Медушевская О. М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Док. и тез. XIV науч. конф.* М., 2002. С. 25.

¹⁷См.: *Корзун В. П., Рыженко В. Г.* По поводу споров об одной дефиниции (от общей методологии к многообразию тезауруса) // *Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тез. докл. межгосударст. науч.-теор. конф.* Иваново, 1995. Т. 1. С. 34.

¹⁸См.: *Российская интеллигенция: XX век: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. / Отв. ред. В. Г. Чуфаров.* Екатеринбург, 1994.

¹⁹См.: *Соскин В. Л.* Власть и интеллигенция в 20-е гг.: политика партнерства или дискриминации? // *Российская интеллигенция: XX век: С. 135.*

²⁰См.: *Раскатова Е. М.* «Власть и художественная интеллигенция» как исследовательская проблема в отечественной историографии 1990–2000-х гг. // *Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения: Тез. докл. науч. конф., посв. 85-летию со дня рожд. проф. Л. М. Зак и 70-летию со дня рожд. проф. В. Г. Чуфарова, 30–31 мая 2003 г.* Екатеринбург, 2003. С. 162–164.

²¹См.: Там же. С. 15–18, 44–45, 92–94, 120–123.

²²См.: *Мазур В. А., Главацкий М. Е.* Образ жизни и судьба В. Е. Грум-Гржимайло: к постановке проблемы // *Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. С. 82–84; Главацкий М. Е., Кондрашева М. И.* Екатеринбургский исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России» // *Культура и интеллигенция России. Т. 1. С. 73.*